

Итак, полученные результаты свидетельствуют о том, что у детей в период младшего школьного возраста уже сформировалось представление об особенностях функционирования тех или иных единиц в процессе общения, в частности этикетных коммуникем, способствующих успешной организации процесса коммуникации, его развития и завершения. При этом многие этикетные коммуникемы, используемые в речи детей младшего школьного возраста, способны указывать на степень знакомства собеседников, характер взаимоотношений между говорящими, их возраст и т.д. Этикетные коммуникемы в речи детей рассматриваемой возрастной группы могут приобретать определенный уровень эмоционально-экспрессивных наслоений. Наблюдение показало, что по мере взросления младшего школьника увеличивается и число используемых этикетных коммуникем, что непосредственно связано с развитием его речи, а также его общей культуры.

К тому же проведенное наблюдение в очередной раз подтверждает процесс постоянного, непрерывного развития языка. Так, в речи младших школьников отмечены случаи появления новых этикетных коммуникем, ранее не зафиксированных, но образованных по аналогии с уже существующими этикетными коммуникемами: *До нового дня!* (Ср.: *До завтра!*), *Спокойного дня!* (Ср.: *Спокойной ночи!*), *Удачного (хорошего) пути!* (Ср.: *Доброго (счастливого) пути!*), *Удачной (хорошей) дороги!* (Ср.: *Доброй дороги!*). Подобные процессы, вслед за С. В. Андреевой, «так и хочется обозначить емкой формулой В. Г. Костомарова – “*Наш язык в действии*”» [Андреева, 173].

Выявив специфику функционирования рассматриваемых синтаксических конструкций в речи младших школьников, следует отметить, что работу, проводимую по развитию их речи, необходимо направить на расширение количества используемых этикетных коммуникем на разных этапах речевого акта, а также на пополнение этих единиц в середине процесса коммуникации. Ведь использование этикетных коммуникем в речи является своеобразным показателем воспитанности человека, в частности младшего школьника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева С.В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской. Саратов, 2005.
2. Викторова Е.Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999.
3. Дагуров Г.В. Некодифицированные высказывания в современном русском языке / Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка: Лингвистический сб. М., 1977. Вып. 9.
4. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград, 2001.
5. Меликян В.Ю. Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь. Ростов н/Д., 1999.
6. Меликян В.Ю. Очерки по синтаксису нечленимого предложения. Ростов н/Д., 2001.
7. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения. Ростов н/Д., 2004.
8. Прибыток И.И. Английские сентенсоиды. Структура. Семантика. Прагматика. Сферы функционирования. Саратов, 1992.
9. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. М., 1983.

П.В. Чесноков

ПРОБЛЕМА СЛОВА И ЕГО РАЗНОВИДНОСТЕЙ

Многие лингвисты сомневаются в возможности дать удовлетворительное определение слову [2, 315–317; 4, 90; 9, 26; 11, 9]. Это в значительной мере обусловлено тем, что реально невозможно охватить единым определением многочисленные языковые единицы (как одного языка, так и разных языков), признаваемые при практическом анализе словом. Но в такой же степени безнадёжны любые попытки подвести под одно определение все построения, практически рассматриваемые как словосочетания. Не поддаются объединению одной дефиницией все случаи односоставности или двусоставности предложений.

Это объясняется отсутствием четких, строгих граней между словом и морфемой, с одной стороны, словом и словосочетанием, с другой [6, 105–111; 5, 47; 3, 152], наличием взаимоперехо-

дов между односоставными и двусоставными предложениями [1, 2000] вообще говоря, подвижностью границ между различными классами языковых фактов. Вот почему П.С. Попов справедливо говорит о способности единиц языка быть в разной степени словами [7, 1954].

Отсутствие непроходимых границ между предметами и явлениями, наличие промежуточных, переходных образований есть важнейшее свойство природы, проявление диалектики движения. «*Hard and fast lines* (абсолютно резкие разграничительные линии) несовместимы с теорией развития» [12, 527].

Точное определение возможно только для типичных явлений какого-либо класса. Все, что стоит на границе данного класса и какого-либо другого, под общее определение данного класса подходит лишь частично и одновременно подпадает под иное определение, иногда противоположное.

Для установления типичных словесных единиц и отграничения от них фактов переходности, занимающих промежуточное положение между типичными словами и единицами ближайших уровней (вышестоящего и нижестоящего), т.е. словосочетаниями и морфемами, целесообразно сформулировать общее определение слова, учитывающее как собственно языковые признаки слова, так и признаки той логической единицы, которая им выражается и без обращения к которой сущность слова, его роль в коммуникативном и познавательном процессах не могут быть раскрыты. Эта единица характеризуется только ее элементарностью, т.е. тем, что она не делится на более мелкие единицы мыслительного процесса. Назовем ее *сегментом*.

Слово – это единица языка, обладающая свойствами семантической выделяемости и цельнооформленности и воспроизводящая благодаря этому нерасчлененную (минимальную) единицу мышления – сегмент.

Отмеченные выше собственно языковые признаки слова были четко выделены А.И. Смирницким [8, 184–188], который под выделяемостью имеет в виду, в сущности, именно семантическую выделяемость, а не чисто структурную, свойственную и единицам более низких уровней (морфемам и фонемам).

Признак семантической выделяемости отграничивает слово от единиц, входящих в его состав в качестве частей, в первую очередь от морфемы. Последняя, как было выяснено выше, семантической выделяемостью не обладает, так как лишь в составе слова (словоформы) соотносится с определенной частью его содержания. Теряя вне структуры слова способность воспроизводить какое-либо идеальное содержание (например, окончания *-а*, *-ы* множественного числа существительных *дома*, *сады* или уменьшительно-ласкательный суффикс *ик* в словоформе *садик*). Сказанное позволяет определить морфему следующим образом:

Морфема – наименьшая значимая единица языка, не обладающая признаком семантической выделяемости, т.е. не выражающая отдельной единицы мышления, а лишь соответствующая в составе словоформы одной из сторон ее содержания.

Признак цельнооформленности отличает слово от словосочетания и от любого другого сочетания слов. «Цельнооформленность слова, – пишет А.И. Смирницкий, – естественно, сама по себе выражает известную смысловую цельность: она подчеркивает, что данный предмет или явление мыслится прежде всего как нечто одно, особое целое, даже если при этом и отмечается сложность его строения или выделяются отдельные его признаки» [8, 197]. Цельнооформленность слова состоит в его нечленимости на части, обладающие семантической выделяемостью, в такой организации его частей, при которой лишь их совокупность способна самостоятельно воспроизводить определенное идеальное содержание, и это справедливо и по отношению к тем случаям, когда части слова материально разобщены, когда между ними в речевом потоке вставляются другие слова (русское *кое с кем*; немецкое *Er machte die Tür zu* – «Он закрыл дверь»). Русское *кое... кем* выражает единую идею неопределенного лица, несмотря на то, что между частями этой единицы стоит служебное слово *к*, а немецкое *machte... zu* – целостную идею открывания, хотя между основой слова и отделяемой приставкой вставлено существительное с артиклем.

Благодаря цельнооформленности слово воплощает в себе нерасчлененную единицу мышления, выступающую в конкретном мыслительном процессе в качестве его наименьшего отрезка, т.е. сегмента.

Словосочетанию (свободному) цельнооформленность в рассмотренном смысле не свойственна. При семантической выделяемости оно характеризуется раздельнооформленностью, при которой каждый компонент языковой единицы сам по себе обладает особым идеальным содержанием, противопоставленным содержанию других компонентов и не сливающимся с ним, и поэтому воспроизводит особую единицу мышления (сегмент). Словосочетание же в целом выражает расчлененное, хотя и целостное понятие; его целостность возникает как результат связи ряда сегментов, которая обеспечивается взаимосвязью слов в пределах словосочетания, существующей наряду с раздельнооформленностью всей конструкции.

С учетом всего сказанного о словосочетании его определение приобретает следующий вид.

Словосочетание – единица языка и речи, обладающая признаками семантической выделяемости и раздельнооформленности и выражающая в связи с этим целостное, но расчлененное понятие, а значит, выступающая в качестве сложной номинативной единицы.

Как общий формальный тип единиц (общая модель) словосочетание принадлежит системе языка. Каждое же конкретное сочетание знаменательных слов – порождение конкретного речевого процесса.

Различия между основными видами слов состоят в различии отношений между ними в речевом потоке. Между знаменательными словами возникают определенные линейные отношения, выявляемые с помощью вопросов. Выражаются эти отношения либо служебными словами, либо морфологическими формами знаменательных слов, либо взаимодействием содержаний соотнесенных словоформ. Так, в предложении *Отец решил купить для сына подарок* отношение между словами *отец* и *решил* (отец что сделал?) выражается с помощью морфологической формы глагола *решил*, отношение между словами *решил* и *купить* (решил что сделать?) – взаимодействием содержаний словоформ *решил* и *купить*, отношение между единицами *купить* и *для сына* (купить для кого?) – служебным словом *для*, отношение между глаголом *купить* и существительным *подарок* (купить что?) – морфологической формой словоформы *подарок*.

А какое отношение существует между служебным словом и знаменательным? Всякий ответит, что между служебным словом и знаменательным (например, между предлогом *для* и существительным *сына*) нет линейного отношения, хотя нелинейные отношения могут и быть – например, зависимость значения предлога от значения существительного (*вышел из леса, костюм из бархата*).

Однако определенное взаимодействие значения служебного и значения связанного с ним знаменательного слова, безусловно, имеется. Значения служебного и знаменательного слова как бы сливаются друг с другом, соприкасаются непосредственно, образуя одну синтаксическую и семантическую единицу, поэтому их соотношение можно назвать *слипанием*. При подчинении отношение, выражаемое предлогом или союзом, направлено в сторону той единицы, к которой подсоединяется предлог (в простом предложении) или союз (в сложном предложении): *Купил подарок для сына, После того как взошло солнце, наш отряд выступил из города*. При сочинении отношение, передаваемое союзом, направлено от той единицы, к которой подсоединяется союз. (*Он споткнулся, и упал, Он смел, но неосторожен*) [10, 10]. Служебное слово может быть и не связано ни с сочинением, ни с подчинением, например, при отрицании (*не работает, не отец*). Однако взаимодействие его содержания с содержанием знаменательного слова и в этом случае является слипанием.

Слипание наблюдается и при взаимодействии частей сложного слова: (*домостроительство, спецкурс, сберкнижка, мультипарад* в отличие от словосочетаний *строительство домов, специальный курс, сберегательная книжка, мультипликационный парад*). Для первых частей сложных слов М.В. Панов создал специальный термин *аналит-прилагательные*, рассматривая их как проявление новой части речи, особенностью которой является отсутствие специального отношения к основному слову и непосредственное смыкание содержания аналит-прилагательного с содержанием основного слова.

Третий вид слова характеризуется отсутствием какого-либо взаимодействия с содержанием других слов, поскольку эти слова всегда выступают изолированно, образуя нечленимые предложения. Это междометия и звукоподражания (*ах, увы, бабах, трах* и т.д.), которые зачастую суб-

стантивируются или вербализуются и тогда ведут себя как существительные или глаголы (*Татьяна – ах! Взрыватель в этот момент – бабах*).

Что касается модальных слов, то они, раскрывая отношения между компонентами актуального членения, ведут себя так же, как служебные слова, слипаясь с ремой (*Отец придет, вероятно, поздно, Провожать тебя будет, конечно, Федор*).

Таким образом, разные виды слов связаны с наличием или отсутствием отношений между словами в речевом потоке. Но типичное слово в любом случае воспроизводит наименьшую единицу мыслительного процесса. Сложное слово, содержащее в своем составе аналит-прилагательное, – больше чем слово. Оно занимает промежуточное положение между словом и словосочетанием, выступая как яркий случай переходности в грамматике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабайцева В.В. Переходность в грамматике русского языка. М., 2000.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка. М.-Л., 1955.
4. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
5. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.
6. Панфилов В.З. Сложные существительные в нивхском языке и их отличие от словосочетаний (к проблеме слова) // Вопросы языкознания. 1958. № 1.
7. Попов П.С. Понятие слова в свете марксистского учения о непосредственной связи языка и мышления // Вестник МГУ. 1954. № 4.
8. Смирницкий А.И. К вопросу о слове // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1954.
9. Сепир Э. Язык. М., 1934.
10. Чесноков П.В. Семантическая структура предложения // Семантическая структура предложения. Ростов н/Д., 1978.
11. Щерба Л.В. Очередные проблемы языкознания // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958.
12. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.

А.Н. Чингалова

ОБ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ С ГЛАГОЛАМИ 'БЫТЬ', 'ИМЕТЬ', 'ДЕЛАТЬ'

С ростом глагольности в языке и превращением предикативности в доминанту грамматических значений «выделяется особый класс служебных глаголов, которые используются для образования аналитических форм, передающих разнообразные оттенки субъективных и объективных модальностей». Происходит спецификация глаголов: одни специализируются для передачи лексических значений, вторые – грамматических [Поленова, 2002: 66].

Термин «аналитические конструкции» и понятие «аналитического строя языка» были выдвинуты в лингвистике по отношению к новым индоевропейским языкам такого типа, как английский, датский, французский и др.

Аналитическими конструкциями принято называть сочетания слов служебного и знаменательного, в которых служебное слово, самостоятельно или вместе с аффиксом знаменательного, выражает грамматическое значение знаменательного слова и тем самым всей конструкции в целом.

К случаям несомненным, по В.М. Жирмунскому, относятся видовременные сложные глагольные формы, образованные с помощью вспомогательных глаголов, ср.: прошедшее время нем. *ich habe geschrieben* «я написал», англ. *I have written*, франц. *j'ai écrit*; будущее время нем. *ich werde schreiben*, несоверш. русск. *буду писать*.

Несмотря на теснейшую грамматическую и смысловую связь между элементами сложной аналитической формы, контактное положение, неразрывность (морфологическая неделимость) вовсе для этих элементов не обязательны. Так, для немецкого языка в аналитических глагольных формах обязательно дистантное расположение («рамочная конструкция»), например: *ich habe erst*